

Не успели эти двое отдохнуть и пары часов, только сняли верхнюю одежду и прилегли на кровать, чтобы немного вздремнуть, едва начав засыпать, как снова пришло срочное донесение. И снова о Цзин Фэйжане с северо-запада. На этот раз ситуация была серьёзной. Этот человек прибыл с острова Дунлю, внутри сговорился с чиновниками династии Цин, а снаружи привёл толпу людей Во из Страны Во. Они двигались от Цинъяна до Хэйчуанькоу, грабя и сжигая всё на своём пути, уничтожив несколько крупных поселений и посеяв панику. Теперь они миновали Ханьшань и собирались атаковать Хэйчуанькоу. На этот раз Чжао Лаосы действовал оперативно, отправив три тысячи отборных солдат к перевалу Ханьшань навстречу противнику. Стороны столкнулись и сразу вступили в бой, но спустя короткое время противник сдался, подняв белый флаг. Чжао Лаосы, всю жизнь бывший осторожным и внимательным, на этот раз попал в крупную ловушку Цзин Фэйжана! Пока они занимались подсчётом пленных, со стороны города Хэйчуань раздались несколько взрывов — подняв головы к небу, они увидели четыре красных сигнальных ракеты. Только тогда стало ясно, что враг сыграл в «отвлечение тигра с горы»: пятьдесят тысяч основных сил переправились через море из Аньжэня и начали стремительную атаку на город Хэйчуань. Враг был многочисленным и хитрым: из пятидесяти тысяч человек четыре тысячи подошли к главным воротам, тысяча была одета как люди Во, а три тысячи — как солдаты династии Цин. У ворот они заявили о великой победе, захвате множества вражеских солдат и добычи, требуя открыть ворота. Заместитель командира, защищавший Хэйчуань, конечно, не был глупцом.

— Без доказательств, где печать главнокомандующего?

Стороны долго препирались, затянув переговоры и отвлекая значительную часть из двадцати тысяч защитников города. Тем временем сборище пиратов Цзин Фэйжана и людей Во атаковало город с тыла, прорвало оборону и начало резню. Заместитель командира успел выпустить лишь четыре сигнальные ракеты, прежде чем его сразил удар меча этих обезумевших убийц!

Чжао Лаосы, лишившийся базы, в ту же ночь стал собирать людей из Данту и Шидай, чтобы отбить её обратно. Однако чиновники в Данту и Шидай задержали людей, отказавшись их отпустить, встав в сторонку в ожидании провала Чжао Лаосы. Оставшись без денег и подкреплений, Чжао Лаосы оказался в тупике. Ему ничего не оставалось, как отправлять срочные донесения Князю-Генералу, командовавшему войсками. Лу Хунцин вдохнул холодный воздух и сказал Сяо Юю:

— Всё кончено. Чего боялись, то и случилось. Как это Чжао Лаосы умудрился? Десять лет отсиживался в Хэйчуанькоу, а тут вдруг решил проявить храбрость, вывел войска и теперь потерял свою базу. Что за дела?!

— Даже ты мог догадаться, что он десять лет не показывался, а тут вдруг решил выйти. Разве за этим не кроется нечто странное? Должна быть причина, которая заставила его действовать, покинуть своё логово и устроить засаду.

— ...Интересно. Династия Цин долго жила в мире, и некоторые стали слишком самоуверенными, готовыми брать деньги от кого угодно. В таком случае, Князь-Генерал, прошу ваших указаний. Что бы вы ни приказали, я, последний из военачальников, готов пойти на смерть. Хе-хе.

Если бы он не хихикал, это могло бы звучать как готовность пойти на всё, но его «хе-хе» лишило всё серьёзности.

— Это дело может оказаться крупным, возможно, выведет на свет целую цепочку сообщников. Лучше я сам поеду, а ты присмотри за домом...

Услышав «присмотри за домом», тот тут же начал гримасничать и насвистывать, хихикнул несколько раз, прежде чем заговорить:

— Присмотреть за домом? Ты имеешь в виду свою новую жену? Князь-Генерал, будьте спокойны, я готов поручиться своей головой, что пока я, Лу Хунцзин, жив, ваша новая жена не пропадёт!

«Князь-Генерал», не говоря ни слова, резко двинул ногой, пытаясь сбить с ног болтливого генерала Лу, но тот прыгнул вверх, избежав удара. Однако возмездие настигло его — прыгнув слишком высоко, он упал, и его поясница ударилась об острый угол стола, причинив такую боль, что он долго не мог оправиться.

Генерал Сяо, увидев это, слегка усмехнулся, обошёл страдающего генерала Лу и отправился готовиться.

Он поступил на службу в пятнадцать лет, и с тех пор прошло уже более восьми лет. Теперь ему двадцать три, и он никогда не заботился о материальных вещах. Его одежда была военной формой, как и у обычных солдат, выдаваемой раз в сезон, четыре комплекта в год. Он носил их до тех пор, пока они не выцветали, лишь бы не было дыр. Его подготовка к отъезду заключалась лишь в сборе нескольких комплектов одежды. Уже был октябрь, и он не знал, когда вернётся. У него были плащи и накидки, но он их не взял, только два стёганых халата, которые Ляо Цюли приготовил для него, когда он только поступил на службу. Эти халаты были сшиты с большим запасом, и даже сейчас они ему не были малы. Несколько комплектов одежды и два стёганых халата, свёрнутые в простой узел, — вот и весь его багаж.

Он собирался уйти, но чувствовал, что не может просто так оставить свои чувства. Ему нужно было попрощаться с тем человеком. Может быть, это облегчит его беспокойство, ведь тот человек всё время боялся, что он начнёт проявлять инициативу. Теперь, когда он уезжает, тот человек, наверное, вздохнёт с облегчением?

Сяо Юй шёл медленно, чувствуя себя неловко при мысли о встрече. Он больше всего боялся услышать слова, которые ранят его сердце, например, внезапное «Я уйду с тобой, я вернусь в Императорскую столицу» или просто равнодушное «Ну, иди». Эта мысль сжимала его сердце, и он несколько раз колебался, прежде чем войти во внутренние покои. К его удивлению, он не встретил холодного лица, а вместо этого услышал тревожный вопрос Ляо Цюли:

— Куда ты пропал? Я везде тебя искал! Ты уже взрослый, пора бы перестать капризничать!

— ...Я не капризничал. Вчера вечером пришли срочные новости, и мне нужно было срочно проверить.

Он хотел ответить: «Я ушёл, чтобы не мешать тебе», но почему-то в последний момент сказал другое.

— Не капризничал?

Ляо Цюли внимательно осмотрел его, почувствовав запах крепкого алкоголя, которым тот был пропитан.

— И ты ещё говоришь, что не капризничал и не пил?!

— Действительно, это были срочные новости. Мне нужно срочно уехать, и я не знаю, когда вернусь. Если я не вернусь к концу года, ты... можешь вернуться в Императорскую столицу. Мы договорились встретиться с семьёй в конце года, не пропусти это...

Он закончил свои властные слова и начал осторожно проявлять нежность, как будто всё понимал. Слова «не пропусти это» сопровождались выражением лица, которое явно надеялось, что тот скажет, что будет ждать его возвращения. Ляо Цюли, ещё не успокоившись, не стал подыгрывать ему:

— Да, когда придёт время, я уеду первым.

— ...Я пришёл попрощаться. Ухожу.

Сяо Юй, не получив желаемого, опустил плечи и повернулся к двери. Он уже дошёл до выхода из внутренних покоев, а тот человек так и не сказал ни слова, хотя бы что-то другое. Впереди как минимум месяц, тридцать дней без встречи, и ни одного слова... Он не мог уйти спокойно.

— ...

Он действительно ушёл. Так было и тогда, когда он поступил на службу в пятнадцать лет. Как бы он ни был привязан, как бы ни скучал, он всё равно уходил решительно. Прирождённый вояка, он был готов пожертвовать всем!

Один за дверью, другой внутри, каждый со своими мыслями, каждый со своими чувствами. Встречи и расставания неизбежны для влюблённых, а для тех, кто ещё не стал влюблёнными, неизвестная разлука приносит особую печаль.

От Хэйчуанькоу до заставы Хулао было около десяти дней пути. На быстрых лошадях, день и ночь, он добрался за шесть дней. Чжао Лаосы находился в городке Юнпин между Данту и Шидай, шесть дней назад получив ответ от Князя-Генерала, что кто-то приедет разобраться с ситуацией. Когда человек прибыл, Чжао Лаосы был в шоке — никто не ожидал, что Князь-Генерал лично приедет из-за такого пустяка, как Хэйчуанькоу. Немного опомнившись, он тут же бросился на землю, чтобы попросить прощения, обвязав себя ветвями терновника, как символ раскаяния. Во-первых, за потерю города Хэйчуань, во-вторых, за то, что он остался в живых после потери города, не последовав принципу «город жив — я жив, город пал — я пал». Это был его способ проверить, как начальство отнесётся к его поступку, не собираются ли его казнить. Этот старый хитрец был осторожен, он не боялся смерти, но боялся умереть бесславно, оставив после себя плохую репутацию.

Сяо Юй нахмурился и знаком приказал сопровождающему офицеру развязать его. Судя по этому представлению, Чжао Лаосы не очень хорошо сыграл свою роль — какое сейчас время для таких театральных жестов? Лучше бы он объяснил, что произошло, вместо того чтобы устраивать шоу!

— Говори, что случилось?

Чжао Лаосы, освободившись от верёвок, сел напротив Сяо Юя, немного помявшись, прежде чем начать говорить.

<http://bllate.org/book/15507/1377376>